

СОВЕТСКОЕ ЛИЧНОЕ: «СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ» ТЕМА В ПРЕДВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Анна Крылова

Новое течение в советской литературе конца 1930-х годов было осознано как литераторами, так и партийными чиновниками, курировавшими искусство. Популярными шпионские пьесы, типизированные персонажи советской поэзии, равно как и стройки в качестве главных героев и тем повестей и романов, стали подвергаться нападкам как устаревшие, искажающие и примитивизирующие многообразие советской жизни и новой советской тематики. Такие сюжеты, как советская семья и советская любовь, исследованные через призму категорий «личности» и «личностного», попали в центр общественного внимания и сформировали ведущее направление в предвоенной советской литературе. Эти новые темы, несмотря на неоднозначность их оценки то как «пустых», то как «прогрессивных», были признаны остромomentными, актуальными и востребованными читателем, равно как и наиболее отражающими коренные изменения в советской общественной и культурной жизни¹.

Право новых тем на существование не вызывало вопросов. Проблема состояла в том, чтобы найти «правильный» способ их представления, отражающий новый социокультурный феномен — возникновение первого истинно советского поколения. Эти люди, вышедшие на общественную арену в конце 1930-х годов, прошли через десять лет советской образовательной системы и теперь представляли перед своими старшими товарищами чередой неожиданно сложных, многообразных личностей. Избегая двойственного противопоставления личного и общественного, но скорее предлагая неразрывные и взаимосвязанные отношения между этими категориями, литература конца 1930-х годов представляла желание нового поколения обрести любовь и семейное счастье как естественное и неоспоримое. К концу 1930-х эпоха, когда личное приносилось в жертву общественному, ушла из партийных и литературных дискуссий, тогда как обсуждение взаимоотношений между работой, семьей и любовью в жизни нового поколения было в полном разгаре².

Партийная и советская печать благосклонно освещали новые пьесы и романы, получившие название «бытовых». В статье о детской литературе, опубликованной в «Правде», С. Маршак приветствовал новый интерес к внутреннему миру детей, их дружбе «и даже любви». Согласно Маршаку, практика становления детского характера на фоне родительской неверности и разводов приобрела широкое распространение к 1940 году³. «Правда» не осталась в стороне от обсуждения романа Р. Фраермана «Дикая собака Динго», повествующего об отношениях в подростковой среде. Этот роман породил дискуссию, в которую на протяжении более чем года были вовлечены литературные и театральные критики, Союз писателей и Комитет по делам искусства⁴. В 1940 году «Правда» сама организовала дискуссию о романах новой тематики, привлекая внимание читателей к роману Ф. Кнорре «Твоя большая судьба» — произведению, повествовавшему о трагедии личного счастья и проигнорированному советскими критиками. Роман Кнорре разворачивается вокруг внутреннего мира героини, которую смерть мужа почти довела до самоубийства: «Но я слабый человек... Я плохая. Пусть другие

будут хорошими. Пусть они занимаются общественной работой, когда убивают их мужей, а я не могу...»⁵

Книга Кнорре не была единственной в своем роде. Несколько наиболее значительных предвоенных пьес также обращались к проблеме чрезмерного отождествления личности с личным, что делало героинь этих пьес уязвимыми. В то же время, анализ взаимоотношений между личным и общественным в жизни женщин составлял ядро большинства бытовых пьес и романов. Поскольку проблемы нового поколения раскрываются в них на примере женских персонажей, можно предполагать, что советские писатели и авторы пьес идентифицировали предвоенное поколение и такие понятия, как личность и личное с «женским вопросом». Исходя из предположения о «феминизации» предвоенного поколения и взаимоотношений между личностью и обществом, мы построим свой анализ на основе категории пола и взаимоотношений между личным и общественным, между образами матери, жены и идеалами самореализации советской женщины.

Попытка разрешения проблем нового поколения на страницах советских романов, пьес и стихотворений не только утвердила личное как определяющий аспект советского сознания, расширив таким образом границы последнего, но также спровоцировала развитие новых литературных приемов и жанров, которые основательно изменили структуру повествования. Децентрализация общественной сферы в советских романах, перенесение основного действия в частную сферу в советских пьесах и экспериментаторство в области лирического самовыражения в советской поэзии характеризовали социокультурные изменения и порождали новые способы изображения новой реальности.

Соответственно, анализ новых для советской литературы проблем семьи и любви и новых форм их выражения является не только предметом изучения нового этапа развития советской литературы, прерванного войной, но одновременно попыткой понять весь культурный комплекс жизни советского общества, начиная со знакомства с поколением 1930-х годов. Осознание самовосприятия, тревог и мечтаний этих людей имеет принципиальное значение для понимания советской культуры военных и послевоенных лет.